

Ардальон Борисович Передонов и его коллеги

Рецензия на книгу: Зубков И. В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Новый хронограф, 2010.

А. И. Любжин

Любжин Алексей Игоревич

доктор филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Адрес: Москва, 103073, ул. Моховая, д. 9. E-mail: vulture@mail.ru

Аннотация. Рецензент высоко оценивает книгу И. В. Зубкова, посвященную повседневной жизни российских преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ на рубеже XIX–XX вв., отмечая чрезвычайно удобный для читателя формат подачи материала, богатство фактических данных. Особой заслугой автора он считает разработанную им схему изложения: сначала для каждой группы определяется правовой статус, затем — финансовое положение, социальная характеристика, мотивация педагогической деятельности и подготовленность к ней, далее — условия и особенности работы в учебном

заведении соответствующего типа, включая контакты с родителями учеников, взаимоотношения с учениками, наконец, особенности бытовой обстановки. На основании сведений, почерпнутых из рецензируемой книги, проведено сравнение положения преподавателей средних учебных заведений и земских школ: их материального достатка и уровня жизни, их положения в сравнении с другими представителями образованного сословия, отношения к ним родителей их учеников, их взаимоотношений с учащимися в школе. Автор приходит к выводу, что начальная сельская школа и средняя городская — практически разные миры, и этот контраст в национальной системе образования был изначально неизбежен.

Ключевые слова: история образования, гимназии, реальные училища, земские школы, доходы учителей, родительские комитеты.

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2013 г.

Первое, что необходимо сказать об этой книге, — она «без слабых мест». Объем привлеченных источников — как опубликованных, так и архивных — весьма впечатляющ, он вполне достаточен для обоснования авторских тезисов. Его можно было бы увеличить: например, несколько больше акцентировать падение уровня жизни учительства в связи с Первой мировой

войной¹, подробнее остановиться на заграничных поездках учителей² или дополнить небольшой перечень наиболее острых способов разрешения конфликтов между учителями и учениками взрывом в Новочеркасской гимназии³. Нам очень не хватало в данной книге очерка о круге чтения гимназических преподавателей (что представляет собой, безусловно, плодотворную, но исключительно трудную исследовательскую задачу). Однако потенциально источники, которые могли быть использованы для данного исследования, совершенно необозримы, поэтому вышенаписанное никак не может рассматриваться в качестве упрека.

Автор выбрал метод подачи материала, чрезвычайно удобный для читателя: каждый его развернутый тезис подтверждается компактным набором документов, как опубликованных, так и архивных, что делает примечания сжатыми и необременительными, а чтение — приятным, ничуть не обесценивая повествование в научном смысле. Цитаты всегда подобраны со вкусом, выводы трезвы, уместны и, насколько это возможно, не банальны и не очевидны⁴. Обязательное для историка предисловие, о чем

¹ Полезный, хотя и несколько выходящий за хронологические рамки исследования и нуждающийся в критической проверке материал собран здесь: [Озеров, 1917].

² [Русские учителя за границей... 1910–1915]. Нас при знакомстве с данной темой чрезвычайно заинтересовал вопрос, на который пока так и не удалось найти ответа: почему так мало ездили в союзную Францию? Вообще экскурсионное движение в школе в последнее десятилетие империи было чрезвычайно мощным и даже вызвало к жизни бурную издательскую деятельность: журналы «Экскурсионный вестник» (Москва), «Русский экскурсант» (Ярославль) и даже специализированное издательство; автор располагает экземпляром гида: Звездич П. И. (ред.) Вена. Сборник-путеводитель с планом города и планами музеев. М.: Образовательные экскурсии, 1911. Впрочем, пока есть возможность лишь наметить эту тему, она нуждается в отдельном исследовании.

³ [Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах... 1997]. С библиографической точки зрения выпуск этого издания сделаны так неудачно — без нумерации и разницы в датировке, что различить их можно только по цвету: дело Департамента полиции о взрыве под квартирой директора в 1884 г. содержится в «желтом» выпуске. Это тем более интересный случай, что до подобного экстрима дело доходило весьма редко.

Отдельного исследования заслуживает и такая тема, как гимназическая жизнь в художественной литературе. Наряду с классикой вроде «Мелкого беса» или «Человека в футляре» можно добавить рассказ М. П. Арцыбашева «Паша Туманов» об убийстве провалившимся на экзамене гимназистом своего латиниста и директора. Первый приступ к теме: [Торшилов, 1998].

⁴ Например, в первой же главе автор не торопится безоговорочно солидаризироваться с отрицательной оценкой «бюрократического контроля» работы земских педагогов со стороны министерства. Он пишет (с. 36–

я писал в предыдущей рецензии [Любжин, 2014], весьма кратко и не отпугивает читателя. Интеллектуальный вклад автора заключается прежде всего в самой этой основательно исполненной программе, все звенья которой не только тщательно отделаны (это читатель видит и чувствует), но и хорошо продуманы заранее (а это уже не так бросается в глаза). Нельзя не отметить и такое — не слишком, увы, частое — достоинство, как прекрасный литературный язык, не стремящийся к блеску, но весьма точный и лишенный ненужной тяжести. Потому мы можем ограничиться тем, что попытаемся охватить в немногих штрихах картину, написанную автором.

Он предпочел сначала рассказать о «черной кости» — учителях земских школ, а потом обратиться к «белой» — гимназическим преподавателям. Мы поступим иначе: рассмотрим некоторые аспекты жизни тех и других параллельно. Авторская схема в целом такова: сначала для каждой группы определяется правовой статус, затем — финансовое положение («Заработки»), следом — социальная характеристика (с акцентом на численности женщин среди представителей этой, в общем, мужской профессии), в четвертой главе обсуждается мотивация педагогической деятельности и подготовленность к ней, в пятой — условия и особенности работы в учебном заведении соответствующего типа, включая контакты с родителями учеников, в шестой — взаимоотношения с учениками, в седьмой — особенности бытовой обстановки. Для преподавателей земских школ добавлена еще одна глава — «Учителя и их социальное окружение». Эта схема сама по себе является значительным достижением автора. Кроме того, издание снабжено рядом весьма интересных и полезных приложений.

Начнем с материального положения. В прошлый раз мы уже убедились в том, что к рассуждениям о «бедности» преподавательского корпуса средних учебных заведений нужно относиться весьма скептически. Читателю обсуждаемой книги представляется возможность двойного сравнения: с одной стороны, с современностью, с другой — с педагогическим персоналом на-

37): «Общественность вообще была склонна к огульной критике МНП и его представителей на местах <...> Учителя требовали либо коренным образом преобразовать эти институты, либо вовсе упразднить их, передав заведование народным образованием всецело в компетенцию органов местного самоуправления <...> Однако архивные материалы в большей мере свидетельствуют о том, что на самом деле многие инспектора энергично отстаивали интересы учителей в училищных советах, настойчиво ходатайствовали перед земскими собраниями о повышении учительских окладов и улучшении санитарно-гигиенического состояния учительских квартир и классных помещений». Отмечает автор и тот факт, что некоторых учителей только ожидание инспекторской ревизии могло заставить исполнять свои обязанности (с. 38).

чальной школы на селе. Ключевым является следующий пассаж на с. 280: «О том, насколько обоснованными были жалобы учителей гимназий и реальных училищ, свидетельствует подсчет учительских расходов, сделанный в середине 1890-х годов директором одной из гимназий Санкт-Петербурга. Подсчет основывался на предположении, что семья „типического“ учителя состояла из него самого, неработавшей жены, двух сыновей и стольких же дочерей, из которых последние и один из сыновей посещали гимназию, а старший сын был студентом». Расходы исчисляются из следующего заработка: 1980 руб. в гимназии со всеми надбавками и 100 руб. за репетиторство. Сумма, которая должна была бы оставаться после вычета необходимых расходов, — 30 руб.; она, конечно, невелика, но в состав предусмотренных расходов входят и оплата прислуги, и 200 руб. на оплату жилья для сына-студента, и репетиторские услуги по французскому языку и музыке для дочерей. Современному преподавателю остается только развести руками: такую ношу он не потянет ни при каких обстоятельствах — если только не работает в одной из особенно дорогих частных школ. Считать положение учителя в 1870–1916 гг. бедностью можно, только если сравнивать его с другими представителями интеллигентного труда, а достаток современного русского учителя средней школы им, тогдашним, не привиделся бы ни в каком кошмарном сне. Важно иметь в виду, что бюджет образовательного ведомства стал расти опережающими темпами при Николае II, а эти подсчеты сделаны несколько раньше.

А как обстояло дело с преподавателями земских школ? Там мы видим совершенно другую картину. Тенденция развития земских школ заключалась, в частности, в том, что государство усиливало свое вмешательство, одновременно увеличивая бюджетную долю в финансировании народного образования. В 1904 г. директор народных училищ Костромской губернии писал (с. 60–61): «Так как в крестьянстве всякая денежная уплата представляет бремя, избавиться от которого составляет предмет особых желаний сельских обществ, то и учащие, получающие содержание от волости <...> вызывают скрытое недоброжелательство к себе крестьянского населения». Разумеется, это наблюдение противоречит мифу о коварном самодержавии, которое препятствовало тянущемуся к свету знаний народу в его стремлениях: медленный рост грамотности объясняется прежде всего тем, что самодержавие предпочитало «пряник» «кнуту» и стремилось создавать дополнительные стимулы для получения образования. Но посмотрим на цифры зарплаток. Годовые зарплаты преподавателей земских школ поражают своей скромностью сравнительно с гимназическими: 120–150 руб. в 1870-х годах, 150–200 руб. в 1880-х, 200–240 руб. в 1890-х, 240–300 руб. в 1900-х. Доля сельских обществ в структуре расходов на школу (а следова-

тельно, и зависимость учителя от местного населения) постепенно стремилась к нулю: в 1910 г. 10,2 млн руб., выделенные казной на содержание земских одноклассных училищ, составили 36,5% общих расходов, земская доля — 56,7%, а доля сельских обществ — только 6,8% (с. 67). Зарботки в 1910-х годах росли (достигая в наиболее благополучном Ялтинском уезде Таврической губернии 900 руб.), но сравнительно с гимназическими они были таковы, что оклад наставника средней школы показался бы народному учителю настоящим богатством.

Зарботки народных учителей уступали как доходам представителей всех интеллигентных профессий на селе, так и жалованью квалифицированных рабочих. Это была профессия прежде всего для выходцев из того же крестьянства — и даже в этом случае ее нельзя было рассматривать как «социальный лифт». Можно ли считать педагогический корпус неудачниками среди тех выходцев из крестьянского сословия, кто сделал ставку на карьеру за счет образования? Этот вопрос важен для характеристики тогдашнего преподавательского сообщества; разумеется, он приобрел бы большое (хотя и не критическое) значение тогда, когда начальное образование должно было стать всеобщим; но данных для ответа у нас слишком мало.

Следующий аспект повседневной жизни преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ, который мы рассмотрим, — это взаимоотношения с родителями и учениками. Как отмечает автор (с. 341), до 1905 г. контакты между преподавателями средних учебных заведений и родителями учеников были редки. Родители учащихся и учебное заведение как таковое были разобщены⁵. Общественные потрясения, вызванные революционной экзальтацией интеллигентского сообщества, изменили ситуацию — министерство ответило созданием родительских комитетов. В общем и целом родители оказались не на высоте: большинство случаев их вмешательства — заступничество за злостных нарушителей дисциплины. Однако со спадом политической активности, который привел к сокращению масштабов родительского вмешательства в деятельность педагогической корпорации, произошло и отрезвление: позиция старшего поколения стала намного более конструктивной. Возросшая распушенность детей (вполне объяснимая стрессом переходной эпохи) заставила родителей желать не только свободы, но и порядка. Министерство повысило требования к кворуму: в 1911 г.

⁵ Весьма интересные соображения о воспитательном долге родителей высказывал Ф. Ф. Зелинский [1903]. В частности, по его убеждению, из того, что юноше желательно нечто знать, не следует, что это должно преподаваться в школе. Ф. Ф. Зелинский достаточно энергично опровергал и пессимистические оценки способности родителей участвовать в образовании детей.

была введена норма, согласно которой для избрания комитета требовалось присутствие не менее 2/3 общей численности родителей. В результате большинство комитетов распалось: вскоре они остались только при каждом пятом учебном заведении. Прогрессивная общественность, как водится, винила правительство; наш автор придерживается более взвешенной и трезвой позиции: «Товарищ министра <...> выражая официальную и, как нам кажется, обоснованную позицию ведомства, в ответ на критику заявил, что „повышенный кворум является <...> непосредственным мериллом желаний родителей следить за школьной жизнью детей“». Объяснялась такая позиция недостатком досуга и сознанием собственной слабой компетентности в педагогических вопросах; впрочем, при нормальном развитии событий — добавим от себя — ситуация должна была измениться к лучшему.

Крестьяне, как отмечает автор, «при встрече с учителями и учительницами <...> обыкновенно первыми раскланивались, снимали шапки, в присутствии учителей воздерживались от сквернословия, грубых выходок»; они ценили простоту обращения, соблюдение церковной традиции; при прочих равных большим авторитетом пользовался учитель, умеющий и сам петь на клиросе, и обучить этому детей. Это один полюс; о другом дает представление признание педагога, которое цитирует автор: «Они никак не могут согласиться с тем, что я человек бедный, живущий только своим трудом, <...> они позволяют себе эксплуатировать меня в очень широких размерах. Каждая услуга с их стороны должна мной оплачиваться вдвое или втрое дороже по сравнению с другими: „С кого же и взять, как не с учительницы“». Крестьяне легко могли сделать (и нередко делали) жизнь учителя невыносимой (с. 197–198). Впрочем, убеждаясь в пользе грамотности, они меняли и отношение к ее распространителям. Лишь постепенно в лучшую сторону менялось и отношение крестьян к учительницам — отчасти потому, что педагоги-женщины добрее и сердечнее относились к ученикам, крестьяне же в массе полагали, что если не бьешь, то и не выучишь. Но появлялись постепенно и такие приговоры: «Она за свое недолгое пребывание в нашей школе сделала много отрядных нововведений, как то: под ее управлением девочки всей школой стали петь и читать в церкви, во-вторых, она сама неопустительно присутствовала при службе, вставала на клиросе и пела с певчими. За все это мы ее ценили и радовались, что пение стало лучше, что дети наши стали более близки к храму и за это, кроме благодарности, ничего к ней не имели» (с. 213).

Существенно различаются в средних учебных заведениях и земских школах взаимоотношения преподавателей с учениками. Наиболее часто встречающаяся характеристика, которую использует автор для описания этих отношений в средних учебных заведениях, — «отчужденность». Весьма нередко она достигала

масштабов «позиционной войны»: ученики старались обмануть учителя, тот — не допустить обмана. Целый раздел посвящен шалостям и прозвищам. Впрочем, и то и другое настолько неизбежное в школе явление, что было бы опрометчиво делать из этих фактов какие бы то ни было выводы об эффективности школьной системы. Автор со своим обычным тактом и тонкостью пишет: «Встречались и жестокие издевательства учеников над учителями. Впрочем, такие акты были обусловлены не столько недостатками средней школы, сколько плохим воспитанием некоторых учащихся. Например, крупный деятель марксистской педагогики 1920-х годов В. Н. Шульгин не без гордости писал о том, как он и его товарищи устанавливали замаскированные булавки на стул преподавателя» (с. 376). Здесь авторская фигура умолчания совершенно справедлива: начало карьеры прекрасно иллюстрирует ее продолжение. Распространенная в 1905 г. среди студентов Московского университета анкета, в которой учащихся спрашивали об отношении к ним преподавателей, показала такую картину: свыше 49% характеризовали это отношение как официальное, чуть более четверти — как несправедливое, 11,7% — как справедливое, 7,5% — как жестокое и 6,3% — как сердечное. Отметим, что от преподавателя, имеющего дело с десятками учеников, можно требовать только корректности, но никак не сердечности, а этому требованию удовлетворяли свыше 60% педагогов (и лишь около трети не удовлетворяли). И. В. Зубков замечает, что ситуация была много лучше в женских учебных заведениях.

Иначе обстояло дело в земских школах. Часто они были похожи на большую семью. «В глухих заброшенных деревушках приходилось встречать таких учительниц, которые на свой счет, например, покупают машинку для стрижки волос и сами стригут учеников, зашивают их рваное платье, лечат доступными для них средствами», — писал инспектор Елецкого уезда. Учителям часто приходилось начинать занятия с обучения элементарным требованиям гигиены. Доверие к учителю, свойственное крестьянским детям, было залогом успешного обучения. Отчисление из школы за неодобрительное поведение представляло собой чрезвычайную редкость. Учитель из Курской губернии писал: «Той враждебности, <...> которая господствует в наших гимназиях и других среднеучебных заведениях, в сельской школе я никогда не замечал» (с. 169).

Как мы видим, начальная сельская школа и средняя городская — практически разные миры. Был ли плодотворным этот контраст для национальной системы образования? Во всяком случае изначально он был неизбежен. Завершая книгу, автор отмечает непрерывный прогресс уровня педагогического персонала. Он отмечает также со своей обычной трезвостью: «Многие замыслы деятелей общественно-педагогического движения <...> не могли быть реализованы в отечественной школе, <...>

сопротивление им со стороны государства было обоснованным» (с. 407). Разумеется, для того чтобы написать полную картину русской школы, одной повседневности мало: нужно привлекать и педагогическую мысль, и предметный набор, обусловленный учебной программой, нужно учитывать всю совокупность аспектов школьной жизни. История русской школы — история сложная и драматичная, и она заслуживает честного описания; сусальное золото и черная краска противопоставлены ей в одинаковой степени. Однако сейчас именно второе господствует в представлениях общества, изо всей образовательной истории Российской империи помнящего, как правило, один только дялиновский циркуляр. В этих условиях любая честная и трезвая работа будет выглядеть апологетикой; мы призываем читателя сделать поправку на этот эффект и, с одной стороны, по достоинству оценить прогресс русской школы за указанный период, а с другой — не забывать о тех естественных ограничениях, о которых молчат пристрастные современники и ангажированные потомки. Не убоимся высокого стиля: автор рецензируемого труда заслуживает самой глубокой признательности за тот шаг национального самопознания, который он поможет нам сделать.

Литература

1. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. СПб., 1903.
2. Любжин А. И. Дореволюционная школа Урала. Рецензия на книгу: М. В. Егорова. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в. М.: Памятники исторической мысли, 2008 // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 263–270.
3. Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах / В. А. Лопатин (сост.). М.: Наука, 1997.
4. Озеров И. Х. Наша народная школа, и как живет и работает в ней народный учитель? (Анкета о народном учителе). М.: Универсальная библиотека, 1917.
5. Русские учителя за границей. Издание Комиссии по организации образовательных экскурсий при Учебном отделе Общества распространения технических знаний. Т. 1–6. М.: 1910–1915.
6. Торшилов Д. О. Воспоминания двоечников, или Страх перед латинистом (Классическая гимназия глазами художественной литературы) // Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 3 (4).

Ardalyon Borisovich Peredonov and His Colleagues

A review of the book: Zubkov I. (2010) Rossiyskoye uchitelstvo. Povsednevnyaya zhizn prepodavateley zemskikh shkol, gimnaziy i realnykh uchilishch. 1870–1916 [Teaching in Russia. Everyday Life of Teachers in Zemstvo Schools, Gymnasias, and Realschulen. 1870–1916]. Moscow: Novy khronograf.

Aleksey Lyubzhin

Doctor of Science, Research Fellow, The Rare Books and Manuscripts Department of the Lomonosov Moscow State University Library. Address: 9, Mokhovaya str., Moscow, 103073, Russian Federation. E-mail: vulture@mail.ru.

Author

We highly appreciate I. Zubkov's book devoted to everyday life of Russian teachers in zemstvo schools, gymnasias, and realschulen at the turn of the 19th century, due to an extremely reader-friendly delivery of information and abundance of factual data. We find the most value in the narration scheme developed by the author: for each group, Zubkov first defines the legal status, then their financial situation, social characteristic (paying special attention to percentage of women in this traditionally male-dominated profession), motivation and fitness for teaching, and finally, conditions and specific aspects of working in relevant educational institutions, including contact with students' parents, relationship with students, and conveniences. Based on the information given in the reviewed book, Zubkov compares the situations of teachers in secondary education institutions and zemstvo schools: their financial status and quality of life, their situation as compared to that of other educated class Russians, attitude of students' parents, relationship with students at school. The conclusion is that primary village school and secondary city school are totally different worlds, and this contrast in the national education system was inevitable from the very beginning.

Abstract

history of education, gymnasias, realschulen, zemstvo schools, teacher pay, parent committees.

Keywords

Komissiya po organizatsii obrazovatelnykh ekskursiy pri Uchebnom otdel Obshchestva rasprostraneniya tekhnicheskikh znaniy (1910–1915) *Russkiye uchitel'ya za granitsey*. [Russian Teachers Abroad. Published by the Education Excursion Commission under the Education Department of the Association for Spread Technical Knowledge]. Moscow, vol. 1–6.

References

Lopatin V. (ed.) (1997) *Novocherkassk i Platovskaya gimnaziya v vospominaniyakh i dokumentakh* [Novocherkassk and Platovskaya Gymnasium in Memoirs and Documents]. Moscow: Nauka.

Lyubzhin A. (2014) Dorevolutsionnaya shkola Urala. Retenziya na knigu: Yegorova M. *Povsednevnyaya zhizn uchashchikhsya i uchiteley Urala v XIX — nachale XX v. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli*, 2008 [Pre-Revolutionary Ural School. A Review of the Book: Yegorova M. (2008) *Everyday Life of Ural Students and Teachers in the 19th — the Early 20th Centuries*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli]. *Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 263–270.

Ozerov I. (1917) *Nasha narodnaya shkola, i Kak zhiviyot i rabotayet v ney narodny uchitel'?* (*Anketa o narodnom uchitele*) [Our Folk School, and How Do Folk Teachers Live and Work There? (A Questionnaire About Folk Teachers)]. Moscow: Universalnaya biblioteka.

Torshilov D. (1998) *Vospominaniya dvochnikov, ili Strakh pered latinistom* (Klassicheskaya gimnaziya glazami khudozhestvennoy literatury [D-Students' Memoirs, or Classical Gymnasium Through the Prism of Belles-Lettres]). *Litseyskoye i gimnazicheskoye obrazovaniye*, no 3 (4).

Zelinsky F. (1903) *Drevniy mir i my* [We and the Ancient World]. Saint Petersburg.